

Слово и дело

во время 2-ого Пришествия. Все свои надежды они связывают уже не с проповедью, не с Богопознанием (они стали агностиками), а с практической деятельностью, с делами, или, по крайней мере, с соблюдением набора религиозных правил. Большой глубины у них нет.

В центральной главе, в отрывке о зверином в человеке я уже затрагивал утилитаризм. В официальном христианстве слишком много приспособления к миру сему, завуалированного материализма и обыденной, идольской практичности. Да, есть телеология, есть здравый смысл, у некоторых даже есть зачатки понятия о том, что вещь и добродетель, истина или заповедь имеют границы своего применения, цель, к которой ведут. Но параллельно или независимо от этого есть дух приспособления, утилитаризма, дурной прагматики и пользы, меркантильности, выгоды и рационализма: во всякой деятельности он ищет цель, смысл и интерес и, не находя их, объявляет её глупой, ненужной и враждебной. Им одержимы люди религиозные подчас более, нежели верующие в прогресс. Ему известна только часть жизни, - потому жизнь он уничтожает в её полноте. Им пронизано отношение протестантизма к культуре - к музыке, поэзии, танцу и т.д. Тогда как подлинная жизнь основывается также и на иррациональном, внешне-глупом, бесполезном и бесцельном точно так же, как и на целесообразном, полезном и мудром. Об утилитарности, о христианском отношении к культуре я буду говорить в гл. "Источник". Необходимо выступить против утилитаризма, за культуру и за культуру свободную от культа полезности и выгоды: против засилья практиков. Приспособленцы в язычестве - те же "солоскриптисты" в вере. Здесь везде одно и то же каждение какому-нибудь "верховному благу", которое почему-то должно вытеснить блага другие. Сейчас духовные реальности стали предметом такого же торга, что и реальности физические. Человек привязан и гордится если не материальным, так отвлечённо-духовным, неизменно находя себе компенсацию в удовольствии от обладания каким-либо талантом, способностью или идеей. Тот же, кто совершенно бездарен и ленив, обучается обрядам: они становятся предметом его гордости и надежды. В

гл. "Идолы и Бог" я уже говорил, как Божьи институты, святые обряды, вечный Закон и пр. теряют от этого свою суть: от поклонения им. Все таланты и способности человека бросаются на "служение Богу", выходит же служение, прежде всего, человеку, его интригам и плоти, фантазиям и иллюзиям о Божестве.

С жизнью, обычно, принято ассоциировать практику, активность ощутимую, видимую в противоположность отвлечённому теоретизированию, фантазиям и мечтательству. Но то, что более всего принимают за жизнь, несёт смерть и зарождается в фантазиях и иллюзиях, - в мире отвлечённого теоретизирования и спекуляций над жизнью. Для верующих обывателей так важна практика, милосердие, дела, но почему же для греха так важна роль фантазии: дал волю ей - и всё, ты в плену.. И это касается не только сексуальных утех. Утилитаризм, практичность, приспособление сплошь и рядом выходят рабством духа у плоти, у материи; и свободу скорее несут романтики и мечтатели, нежели педанты закона, правды и

[Добавить комментарий](#) ^[1]

Стр.:

285

Источник: <https://petra.org.ua/diada/slovo-i-delo-13>

Ссылки:

[1] <https://petra.org.ua/comment/reply/898#comment-form>